

131. Проклятия и похвала

Чу Ян и впрямь был очень зол. Когда он увидел Мо Цинву одну снаружи, он опешил... Но он не злился на девятилетнюю девочку и не собирался. Поэтому весь его гнев обрушился на голову Мо Чэнью. Как только он его увидел, глаза министра Чу округлились, и изо рта забрызгала слюна.

Мо Чэнью с трудом сдерживал гнев: его шея начала затекать, а глаза едва не выпадали из глазниц... Мастер уровня Короля выслушивал ругань в свой адрес со стороны какого-то обычного Мастера боевых искусств. Для него это было впервые.

К тому же у этого недомастера отсутствуют всякие манеры. Он продолжал отчитывать его без остановки почти полчаса.

Хотя Мо Чэнью выглядел так, будто он сейчас взорвется, он не смел возразить. Ему в голову пришла смутная идея: "Этот Чу Ян беспокоится о юной госпоже больше, чем я. Сейчас он ведет себя так, будто потерял жену из-за другого мужчины".

Наконец, ругательства Чу Яна иссякли: "Другими словами, вы безответственно отнеслись к своим обязанностям. Я очень разочарован. Если это случится снова, я не вижу смысла, чтобы такой мастер уровня Короля, как вы, занимал место в этом мире. Уж лучше выройте могилу и закопайтесь в ней.

После суток, проведенных без еды, у Мо Чэнью начало урчать в желудке. Но проглотив все оскорбления Чу Яна, он полностью лишился аппетита...

"У этого парня дурные манеры. Мало того, что он обругал меня, так еще и критикует. Вот урод! Я - мастер уровня Короля! Когда мне приходилось так страдать?"

"Даже лидер нашего клана так со мной не обращается..."

Мо Чэнью пылал от гнева.

С другой стороны, Мо Цинву ничего по этому поводу не чувствовала. Она лишь видела, что брат Чу Ян хорошо к ней относился.

Хотя Чу Ян переусердствовал с кнутом, он не забыл и про пряник. В поток своих ругательств он не забывал время от времени вставлять что-то наподобие: "Сяову такая милая; вы бы смогли пережить, если бы что-то с ней случилось?", "Сяову такаямышленная, если бы что-то произошло, вы смогли бы себе простить?", "Сяо Ву такая замечательная..."

Таким образом, пока Мо Чэнью страдал от оскорблений настолько, что не мог поднять голову и готов был вот-вот покончить с собой, лишь бы искупить свои грехи, юная госпожа, стоявшая в это время в стороне, тихонько ликовала... Хотя и вся эта сцена казалась ей чересчур...

Как только она услышала от Чу Яна "Давайте есть!", девочка быстро схватила пару палочек и набросилась на еду... После косвенной похвалы ее палочки двигались подобно водопаду. Только наевшись, она прищурила свои игривые глаза и спросила: "Брат Чу Ян, Сяову правда такая замечательная, как ты ее описал?"

- Конечно! - Чу Ян тоже был голоден и быстро хватал еду, но как только девочка заговорила, он тут же остановился и искренне ответил, - Сяову, ты должна помнить...

- Что? - недоуменно спросила девочка.

- Ты должна помнить, что в этом мире ты самая красивая! Самая умная! Самая милая! Ты самая-самая лучшая! - со всей серьезностью ответил Чу Ян. Он говорил так серьезно, будто давал клятву.

- Вау...- девочка запрыгала на месте от восторга. Затем она немного смутилась и спросила: - Я правда такая великолепная? - по ее глазам было видно, что она ждала одобрения Чу Яна.

Чу Ян, конечно же, ни за что не мог разочаровать её. Он серьезно кивнул и уверенно ответил: "Конечно! Сяову даже лучше моих описаний... в сто раз... в тысячу раз, в десять тысяч раз!"

Юная госпожа ликовала. Она потеряла дар речи. Внезапно она подпрыгнула и, схватив Чу Яна за шею, чмокнула его в щеку покрытыми жиром губами. Оставив на его лице жирный след, она отпустила его и воскликнула: "Брат Чу Ян, в моем сердце ты тоже самый лучший, лучший из лучших..."

Чу Ян потрогал свою щеку, все еще ощущая легкое прикосновение. Затем он расплылся в улыбке, как дурак. "О святые небеса... Я преодолел первый шаг... я заполучил поцелуй".

Это были губы Мо Цинву... несмотря на то, что она все еще была маленькой девочкой и мало что понимала.

После этого атмосфера в комнате стала еще более интимной. Мо Цинву прожевала несколько кусочков, затем прищурилась и, наклонив голову, улыбаясь взглянула на Чу Яна. Прожевав еще несколько кусочков, она украдкой хихикнула. Чу Ян, естественно, отвечал ей тем же. Время от времени он смеялся, подбадривая ее, или самозабвенно улыбался. Иногда он да же посмеивался, как дурак.

- Кушай. Попробуй это ребрышко и вот этот кусочек тоже...

- Сяову, вот, попробуй это... - Чу Ян старался заставить ее попробовать овощное рагу.

- Вот... дядя Чэнью почти ничего не съел, а овощей осталось совсем немного... - Мо Цинву посмотрела на стол и заметила, что еды осталось маловато. Чуть ранее она была так взбуждена, что съела вдвое больше, чем обычно.

- Он не голоден, не обращай внимания. Вот съешь еще вот это, - сказал Чу Ян так, будто ему было все равно, жив Мо Чэнью или мёртв.

- Кто сказал, что я не голоден? - мужчина сдерживался, хотя на самом деле он был жутко раздражен. Сначала ругань Чу Яна отняла у него аппетит. Затем ему пришлось стать свидетелем того, как маленькая девочка и взрослый парень раздувают эго друг друга. Все эти приукрашивания, теплые слова, лесть... После такого кого угодно начнет тошнить!

"Юная госпожа еще маленькая, это понятно, но Чу Ян, этот ублюдок. Он уже взрослый! Почему он так себя ведет? Он даже хуже девчонки..."

Как только к мужчине вернулся аппетит, ему пришлось наблюдать за гримасами Чу Яна и Мо Цинву. Голод тут же куда-то пропал. Ко всему прочему, он почувствовал, как к его горлу что-то подступает...

В этот момент Чу Ян пересек все границы грубости и дал ему ясно понять, что даже не

собирается оставить ему еды... Мо Чэнью вспылал праведным гневом.

"Он настоящий тиран!"

"Я съел всего несколько кусочков, а тарелки уже пустые". Мо Чэнью поднял палочки и застыл в изумлении. У него сразу же испортилось настроение. Его сегодня не только выругали, но и оставили голодным...

Мо Цинву, сидевшая рядом, схватилась за живот и откинулась на стуле: "Ох, я объелась!"

Затем она украдкой задрала рубашку и надула губы: "Мне нехорошо. Мой живот надулся как барабан".

Чу Ян отрыгнул и принялся довольно ковыряться в зубах: "Тебе понравилось? Я приготовлю еще больше завтра".

- Отлично! - Мо Цинву похлопала себя по животу. На самом деле еда была не настолько вкусной. Всё дело в лести и похвале Чу Яна, которые заставляли любого расслабиться и нагоняли хороший аппетит.

- Но я ничего не съел... - злобно сказал Мо Чэнью.

- Сяову, давай немного разомнёмся. Зарядка поможет ускорить пищеварение. Иначе после такого пира ты превратишься в отвратительную толстую свинью, - Чу Ян даже не взглянул на Мо Чэнью.

Слова "отвратительная свинья" тут же подействовали на Мо Цинву. Она тут же скатилась с кровати, на которую переместилась ранее, и принялась помогать Чу Яну с уборкой.

Они убирали и болтали без умолку.

- Брат Чу Ян, как думаешь, когда я вырасту, я буду красивой?

- Прекрасной! Ты будешь прекрасной! Самой красивой на всех Девяти Небесах!

- Правда?

- Конечно! В мире не сыщешь более прекрасной девушки, чем Сяову.

- Правда? Хахаха! Брат Чу Ян, я уверена, когда ты вырастешь, то тоже станешь самым красивым...

- Да? хахаха

- О боже...это отвратительно... - сокрушенно вздохнул Мо Чэнью. Ему хотелось плакать, но слез просто не было. "Жизнь в одном доме с этими двумя сродни нечеловеческой пытке. Не уверен, что смогу это пережить".

С наступлением утра Чу Ян вышел наружу и вернулся с корзиной полной фруктов, овощей, вяленого мяса и прочего. Он бросил ее в лицо Мо Чэнью: "Что ж, разве вы не проголодались?"

Мужчина выпучил глаза и разразился громом.

На следующее утро.

Особняк премьер-министра Великой Чжао.

Диу Цинжоу нахмурился глядя на лист бумаги, лежавший перед ним.

На нём было написано всего несколько слов.

"Нечеловеческие усилия многих лет - я старался изо всех сил".

- Что вы думаете? - Диу Цинжоу встал и прикрепил бумагу на стену. Затем он отошел на три шага назад и продолжил ее разглядывать.

Сейчас рядом с ним стояло трое людей. Один из них был тем тощим человеком с прошлого раза.

- Это точно почерк Номера Один, - подтвердил тощий мужчина после некоторых размышлений.

Все трое были доверенными лицами Диу Цинжоу. Все они были находчивыми и изобретательными и могли руководить собственными регионами...

Тощим человеком был Хань Бучу, ученым мужчиной средних лет - Чэн Юньхэ, а молодым мастером с лицом праведника - Гао Шэн.

О происхождении Хань Бучу и Чэн Юньхэ было известно все, а вот род Гао Шэна оставался загадкой. Он провел в Великой Чжао всего несколько лет. Благодаря покровительству Диу Цинжоу ему удалось быстро подняться по социальной лестнице. Обычно он вел себя очень высокомерно и на всех смотрел свысока.

Хотя лицо его было благочестивым, голова его была полна коварных планов. Много раз его мысли совпадали с мыслями Диу Цинжоу... Он был правой рукой министра.

- В этих словах есть что-то странное, - внимательно присмотревшись, сказал Гао Шэн. - Это определенно почерк номера один, но что-то здесь не так.

- Да, в этом есть что-то странное, - подумал вслух Чэн Юньхэ, скрестив руки за спиной.

- Что тут странного? - спросил Цинжоу улыбаясь. За его улыбкой скрывалась тревога. Диу Цинжоу практиковал такое постоянно: он понимал, что обладает большой властью и за одну жизнь сам не сможет воплотить все свои планы. Поэтому он часто проводил подобные собрания, чтобы натренировать этих людей. Чтобы однажды они смогли работать самостоятельно.

Каждый раз, даже когда у Диу Цинжоу имелось собственное решение, он его не озвучивал, и вместо этого позволял остальным обсудить проблему между собой. Только так они могли набраться опыта.

- Почерк точно принадлежит номеру один. И тон письма тоже похож на его. К тому же, учитывая характер номера один, это вполне нормально, - сказал Хань Бучу. - Мы все знаем, что номер один - высокомерный человек. Будь то планирование или анализ - он ничем не хуже нас с вами. Он бы никогда не принял поражение. Думаю, в этой записке нет ничего странного.

Эта записка также показывает, что позиция номера один в Железном Облаке крепка и непоколебима, как скала. Даже если Король Преисподней Чу что-то заподозрит, Он не посмеет

ничего предпринять против человека, которого в Железном Облаке считают святым, - сказал Хан Бучу и улыбнулся. - Премьер-министру не стоит ломать над этим голову.

- Нет! Эта записка ненормальная! На первый взгляд расстояние между первыми двумя словами и второй парой слов вполне обычное. А это место вот здесь показывает что номер один мог написать первую часть предложения, а затем задумался, прежде, чем дописать остальную часть. Но именно это место вызывает подозрения, - сказал Чэн Юньхэ. - Этого пространства не должно быть вообще. Как номер один мог не знать, в каком шатком положении находится? О чем ему пришлось задуматься? Такому решительному человеку вообще не нужно было оставлять пустое место.

<http://tl.rulate.ru/book/96706/53851>